

Вкус Ясной Поляны

Праправнук Льва Толстого утверждает старый-новый русский стиль

Независимая газ. - 2001. - 16 нояб. - с. 12.

Наталья Савицкая

Пресловутое «новое русское» бесстилье арок, башенок, газончиков с гномиками удручает глаз ничуть не меньше бесстилья старого советского. Если где и творится что-то по-настоящему стильное, то, как правило, скрытно, за заборами и за будками вневедомственной охраны. И все же есть недалеко от Москвы, в десятке километров от Тулы, одно место, всемирно правда известное – Ясная Поляна.

Осенью там произошли два весьма знаменательных события: открылись сказочно стильная станция Козлова засека и детский сад для жителей села. Поезжайте туда, посмотрите, каким неброским, но достойным может быть настоящий новый русский стиль.

В дни жизни Льва Николаевича Толстого скорый поезд, следующий из Москвы, проходил мимо маленькой станции Козлова засека, не останавливаясь. Бугор, еще один, перелесок, потом широкое поле, и, утопая в зелени леса, наконец, выплывала Ясная Поляна. Большой дом и флигель прятались в глубине парка, а скотный двор был виден издали. Если бы сегодня поезд мчался мимо Козловой засеки без остановки, тогдашние пассажиры, вероятно, сорвали бы стоп-кран (или по крайней мере то, что его заменяло). А шагнув на перрон и окинув взглядом правильные английские газоны, отреставрированные дома, где доска к доске, а каждый наличник – маленький резной шедевр, наверное, многие предпочли бы

на время прервать свое путешествие.

Не спешат покинуть станцию и нынешние ее посетители. Замечаю, что первое желание всех – убедиться, не обманна ли красота, не потемкинская ли деревня перед ними. Но внутри домишек – тоже полное торжество столярного умения: половица к половице, вокзальные скамейки отполированы до блеска. Впечатление такое, что вот-вот зайдет на станцию сам барин. Встанет, засунет большие пальцы свои за пояс рубахи и окинет все это хозяйство своим «цепким взглядом, который сразу замечал все новое...».

Во всем, к чему прикоснулась нынешняя хозяйская рука, чувствуется тонкий графский вкус. Передалось ли это новому директору «Ясной Поляны» по крови, по духу, по памяти сердца, не знаю. Но вкус Льва Николаевича сегодня в «Ясной» жив, как никогда. Ощущение, что несколько по-иному смотрятся знакомые с детских лет личные вещи писателя. Аскеза, возведенная в утонченность, во всем: в подножке для обуви, трости-стуле, плаще из дорожущего голландского сукна, рубашке из тончайшей голландской бязи. Не знаю, чувствуют ли это люди, приехавшие сюда на экскурсию? Жители Ясной – да. «На этом перемены не закончатся, вот увидите, – говорили мне на станции сельчане, – детский сад у нас в деревне, знаете, какой отгрохали! Вот так-то!»

Перехожу вместе с посетителями из зала в зал. «А на этом портрете Софья Андреевна Толстая держит на руках свою дочь, Александру. Еще чуть больше десятка лет назад имя дочери Толстого было под запретом, о ее деятельности старались не говорить, а посетители

Таких стильных станций, как «Козлова засека», нигде в России больше нет.

Фото Игоря Зотова

для музея, представляя эту картину, говорили так: «Софья Андреевна с неизвестной девочкой на руках», – хорошо поставленным голосом произносил экскурсовод и переходил к следующему экспонату музея.

Идея создать в Ясной Поляне нечто вроде культурного центра возникла у родственников писателя еще в начале 20-х годов. Именно под руководством неугомонной Александры Львовны решено было расчистить порядком захлапанные двор и дома, чтобы привести все в надлежащий вид, как это было при жизни Льва Николаевича. По моде тех лет усадьбу переименовали в «опытно-показательную станцию». И работа закипела.

Впрочем, не все так просто. Было и такое, что первые шаги по благоустройству сопровождались кляузными статейками в «Правде», где сообщалось, что «бывшая графиня, окружив себя буржуазным элементом, окопалась в прекрасном уголке – Ясной Поляне». А Александра с небывалым упорством продолжала строить в Ясной школу и детские сады, в которых, она надеялась, смогут и дальше развиваться идеи ее отца. Многие ей удалось. «Яснополянская школа «осовечивалась» медленнее, чем другие школы...» – напишет Александра в своем дневнике. Но отдельные «передовые» школьные разработки «спускали сверху» и на них. Чего стоил один «комплексный метод»! Выглядело это примерно так. Кутке из скромного семейства водоплавающих надо было привязать арифметику, правописание, биологию, географию и даже идеологию. «Опытные учителя приспособлялись, – пишет Александра Львовна, – комплекс-

ный метод проводили для отчетов и инспекторов, а читать, писать и считать учили отдельно. У неопытных – дети знали про октябрь, но были неграмотны...» «Мы разработывали кошку, – хвасталась одна учительница, – я увязала с кошачьей решительно все навыки». – «Ну а арифметику?» – «Очень просто, мы измеряли кошачьи хвосты». Школа, музей и деревня жили, по воспоминаниям Александры Толстой, двойной жизнью – официальной и своей.

Пришли другие времена. Нет идеологического диктата, но проблем не стало меньше. Музеем «Ясная Поляна» сегодня вновь руководят родственники Толстого.

Первое из дел Владимира Ильича, праправнука Толстого, – с территории музея исчезли заборы, ограничивающие движение посетителей. Революционный и, пожалуй, даже отважный шаг. В будни здесь бывает до 30 экскурсий, много школьников. Немало москвичей. Оторвавшиеся от неоновых красот мегаполиса, попавшие под буйные красоты девственной природы, столичные дети почти неуправляемы...

Последнее из дел нынешнего директора. Он отстроил на развалинах бывших яслей новый детский сад для обычных местных ребят и детей музейных работников. От визита сюда нервный горожанин способен пережить настоящий шок. Приют спокойствия с английским вечнозеленым газоном и японским садом камней, с экзотическими деревьями по периметру композиции. Дизайнерские находки продолжают в интерьере спален и игровых. Все, кстати, придумала жена Владимира Толстого – Катя. Она же и директор этого маленького хозяйства. Но

главное, наверное, даже не в этом великолепии. Хотя стоп... Кто сказал, что не с ощущения красоты вокруг себя начинается вхождение в большой мир маленького человека?

В кабинете Катерины Толстой вслушиваюсь в положения из ее авторской методики. Толстовские традиции, гуманитарный уклон, обучение с увлечением, постижение сложных и серьезных вещей в игре, но главное (и она постоянно говорит об этом) – любовь к детям. «Мы собрали здесь, – Катя кладет свою изящную ручку на увесистую папку, – все лучшее, что есть в мировой педагогической практике. Но мы за разумный подход, за сочетание лучшего опыта советской и западной педагогики...» Заглядываю в игровую: дети облепили воспитателя. Играют в детское лото. «Где же живет этот чудный зверь? Кто знает, чем он питается?» До обеда малыши были на экскурсии, собирали шишки и общались со своими маленькими друзьями – пони. В обед читали про Матроскина. Вроде бы все как в обычном детском саду. Но нет, не совсем так. Вот бежит малыш, остановился и смотрит на новую бабочку, поделку на шторе из красивой сетки. А этот мальчик гладит олененка на матово-пастельной стене.

«Если бы это было в Москве, а садиком руководили бы обыкновенные люди, – заползает мне в голову крамольная мысль, – назавтра сюда по звонку привезли бы детей нужных родителей. Немедленно сделали бы сад коммерческим заведением. И стал бы он садом для богатых. Назначили бы вступительный взнос долларов этак в 3000, как в «респектабельных» дошкольных заведениях Москвы, и...»